

УДК 33 DOI: 10.14451/1.235.279

Смена трендов в теории эффективной структуры национального производства в XX–XXI вв.

© 2024 Карамова Ольга Владимировна

Доктор экономических наук, профессор. Финансовый университет при Правительстве РФ.

E-mail: okaramova@fa.ru

Ключевые слова: эффективная структура национальной экономики, модель общего равновесия, трехсекторная модель, постиндустриальное общество, информационное общество, цепочка добавленной стоимости.

В статье рассмотрены концепции эффективной структуры национальной экономики, сформировавшейся в XX–XXI веке. Изучены внешние и внутренние вызовы, повлиявшие на теоретический поиск. Раскрыта модель общего равновесия, кейнсианская концепция, трехсекторная модель, институциональные теории постиндустриального общества, теория информационного общества, теория «цепочки добавленной стоимости». Особое внимание уделено смене трендов в теории структуры экономики в последние десятилетия.

Современные национальные экономики сталкиваются со сложными задачами гармонизации таких сфер, как отраслевая структура, пространственное размещение производственных и инфраструктурных объектов, взаимодействие с мировым экономическим сообществом, инновационная, цифровая модернизация всех сфер экономики и общества.

Экономическая теория отвечает на внешние вызовы и ведет поиск ответа на вопрос об эффективной структуре экономики на протяжении многих веков, но, начиная с XX века, эта проблема стала стратегически важной.

Ретроспективный анализ показывает, в каком направлении развивались концепции и какие основные теоретические подходы преобладали.

Модель общего равновесия Леона Вальраса [2] представила обобщенное видение рыночной системы как совокупность равновесия на отдельных организованных рынках. С точки зрения структуры общественного производства маржинальный подход не привнес ничего нового, но в аспекте метода достижения эффективной структуры обосновал концепт саморегулирования рыночной экономики и принцип *laissez faire* по-новому.

Основной идеей модели Л. Вальраса является достижение общего равновесия благодаря равновесию на отдельных рынках как зависимость цен и количества обмениваемых товаров. Математическая модель общего равновесия основана на функциональном методе, что дает возможность расчетов прямых и обратных зависимостей. Однако модель имеет очень абстракт-

ный характер и, что важнее всего для теории структуры общественного производства, является статической, не учитывает экономический рост и инновационные изменения.

Существенное влияние на поиск эффективной структуры экономики оказали кризисные колебания в странах с рыночной экономикой в XX веке. Великая Депрессия 1929–1933 годов особенно четко продемонстрировала отставание от жизни классической концепции, заключающейся в том, что наращивание промышленного производства и его доли в структуре национального производства означает залог развития и стабильности. Великая Депрессия подвергла сомнению и пересмотру подходы неоклассиков, в соответствии с которыми эффективная структура общественного производства складывается спонтанно при помощи рыночного саморегулирования и равновесия на отдельных рынках.

Дж. М. Кейнс показал в своей теории, что современная экономика кроме сложившихся отраслей в сельском хозяйстве, промышленности, торговле зависит от состояния финансовых рынков и кредитно-банковской сферы.

Кейнс обосновал необходимость создания и развития такой новой сферы для рыночного общества, как социальная. Кейнс также обосновал значение производства общественных благ со стороны государства. Главной теоретической заслугой Дж. М. Кейнса является создание концепции в аспекте механизма поддержания и становления эффективной структуры национального производства, который заключается в постоянном регулировании государством рыночной системы. Кейнсом разработана теория государственного регулирования с точки зрения целей и инструментов.

Значение кейнсианской макроэкономической теории для формирования концепта эффективной народнохозяйственной структуры заключается во введении в научный оборот, а затем и государственную экономическую политику таких инструментов регулирования, как активная фискальная политика, активная денежная поли-

тика, политика дефицитного бюджета в условиях кризисных явлений, организация общественных работ в условиях вынужденной безработицы. Кейнсианская теория государственного регулирования привела к формированию более сбалансированной структуры национальной экономики, создав предпосылки к росту общественного сектора и усилив контроль над финансовыми вторичными рынками [7]. Благодаря кейнсианскому, а затем и некейнсианскому подходу финансовый кризис 2008–2009 годов в США не принес таких катастрофических последствий, как лопнувший финансовый пузырь на Нью-Йоркской фондовой бирже в «черный четверг» 24 октября 1929 года.

В середине XX века в экономической теории широкое распространение получила неоклассическая модель трехсекторной экономики Кларка-Фишера, сформулированная в 1935–1949 годах тремя экономистами Алланом Фишером, Колином Кларком и Жаном Фурастье.

К этому времени были разработаны концепции структуры общественного производства представителями классической политической экономии, исторической школы, марксизма, кейнсианства. Критерием выделения отраслевой структуры экономики служил содержательный принцип, воспроизводственный подход и исторический метод. Научное сообщество неоклассического направления до середины XX века являлось достаточно замкнутым и не воспринимало научных идей оппонентов из институционального направления, и тем более из марксистского. Трёхсекторная модель, сформулированная малоизвестным экономистом из Новой Зеландии Алланом Джорджем Барнардем Фишером (1895–1976), представляющим неоклассическую школу, была сразу воспринята профессиональным западным сообществом, стала совершенствоваться Кларком и Фурастье. Трёхсекторная модель повторила идеи представителей исторической школы об эволюционном развитии структуры экономики. Алан Фишер разделил экономику на три сектора – первичный, включающий добывающие отрасли и сельское хозяй-

ство; вторичный, состоящий из промышленности и строительства; и третичный сектор, представленный сферой услуг.

Новым элементом можно считать акцент, сделанный Колином Кларком в работе «Условия экономического прогресса» (1940), на развитие потребительского спроса и изменение структуры производства под воздействием этого фактора.

Популярность трёхсекторной модели экономики росла во второй половине XX века вместе с увеличением сферы услуг в структуре экономики западных рыночных стран, достигшей примерно 75–80% в США и 65–75% в странах Западной Европы. До недавнего времени доминирование сферы услуг в структуре экономики трактовалось экономистами как критерий развитости и признак перехода к постиндустриальному обществу, то есть неоклассическая школа считала сервисную модель экономики эффективной.

Вслед за кейнсианской революцией институциональная школа сказала новое слово в развитии теории структуры общественного производства.

Джон Кеннет Гэлбрейт в своей известной работе «Новое индустриальное общество» (1967 г.) определил сферы экономики, которые обеспечивают экономическое развитие. Это производство с использованием новых технологий, разработка новых областей науки и техники, а также сферы, направленные на подготовку высокопрофессиональных специалистов – образование, здравоохранение, культура.

Главной идеей в концепции Гэлбрейта являются средства и движущие силы, способствующие развитию экономики. К ним Гэлбрейт относит крупные корпорации, которые создают и используют все инновации. Движущей силой внутри корпораций, с точки зрения Гэлбрейта, становится техноструктура, а не собственники. Техноструктура обеспечивает все стадии производственного процесса в корпорациях, от нее зависит успешность деятельности фирм, ее конкурентоспособность, долгосрочное развитие, разрешение конфликтов с рабочими, профсоюзами и акционерами.

Однако в 70–80 гг. XX века взгляды Гэлбрейта на способы достижения эффективной структуры экономики изменились. В работах «Век неуверенности» (1971 г.), «Экономические теории и цели общества» (1973)

«Деньги. Откуда они взялись?» (1975) Гэлбрейт смотрит на корпорации с меньшим оптимизмом, указывает, что корпорации следовали своим краткосрочным интересам увеличения прибыли во вред национальным макроэкономическим интересам. Государство проводило политику в интересах крупных корпораций, вместо стабилизирующей и уравнивающей силы оно стало проводником частых корпоративных интересов.

В традициях институциональной школы Даниэль Белл продолжил осмысление процесса изменений, происходящих в экономике и обществе в конце XX века. В трудах «Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования» (1973), «Конец идеологий» Д. Белл дал свою периодизацию экономической истории, выделив три стадии развития человечества – доиндустриальную, индустриальное общество и постиндустриальное общество. Теоретический вклад Д. Белла в концепцию структуры общественного производства полностью связан с анализом третьей стадии – постиндустриального общества [1]. В качестве основных тенденций развития третьей стадии Д. Белл отметил развитие научных знаний, технологий, информации. В отличие от индустриального общества, нацеленного на создание материальных вещей, постиндустриальное общество пронизано информацией и расширением сферы услуг по созданию новых научных знаний, повышению уровня образования, медицинского обслуживания, нацелено на повышение качества жизни благодаря развитию культуры и сферы отдыха [1, с. 46].

В качестве главенствующего хозяйственного механизма Д. Белл выделял не рыночную систему, а государство как политический и экономический центр, поскольку государственное регулирование способно к выработке долгосрочных

направлений развития технологий, науки и информационной сферы.

Трудами институционалистов и социологов Джона Гэлбрейта, Даниэля Белла, Элвина Тоффлера подытоживается теоретическая традиция эволюционного развития структуры общественного производства, выделение в ней ведущих сфер на каждом историческом этапе, рассмотрение отдельных отраслей, хотя и взаимосвязанных с друг с другом, но все-таки относительно самостоятельных на уровне отдельной национальной экономической системы.

Новый тренд в понимании эффективной структуры национального производства связан с развитием теории информационной и цифровой экономики, получившей развитие на рубеже тысячелетий. Новизна нового концепта заключается в том, что информация рассматривается не только как отдельная сфера или ИТ-отрасль, а как новое технологическое качество всех, даже традиционных отраслей, всего общества. Информация пронизывает все сферы отношений людей, качественно меняет экономические, социальные и политические процессы. Теоретический концепт информационного общества представил новый хозяйственный механизм, который нельзя назвать преимущественно рыночным или рыночным с участием государственного регулирования. Новый хозяйственный механизм информационного, цифрового общества содержит регулирующие инструменты, до этого не используемые человечеством.

В широкий научный оборот термин «информационное общество» было введено испано-американским экономистом М. Кастельсом в его известном труде «Информационная эпоха: экономика, общество и культура» (1996–1988). В разработке теории информационной экономики участвовали такие экономисты как М. Кастельс, Д. Тапскотт, Н. Луман, М. Портер, Г. Шиллер, Д. Шнайдер [9].

Важным теоретическим направлением изучения эффективной структуры национального производства в конце XX – начале XXI века стал

подход, основанный на изучении мировой экономики и выделении отдельных национальных экономик как части глобальной системы.

Кроме теории информационного общества, когда глобальные сетевые структуры рассматриваются в аспекте информационных технологий, в теоретических традициях неоклассической школы сформировалась теория о глобальных цепочках создания стоимости.

Особенностью данного концепта является абсолютизация частных интересов транснациональных корпораций, рассмотрение их как ведущих и определяющих всё мировое хозяйство [5]. Экономисты западных стран, разрабатывающих данный концепт аксиоматично, воспринимают главенство частных корпораций над национальными интересами государств как главную «прогрессивную» тенденцию развития всего человечества. В соответствии с теорией глобальных цепочек эффективной считалась экономика, которая является интегратором технологической цепочки добавленной стоимости, при этом наличие реальных производственных процессов на территории страны было совершенно не обязательно.

Эффективная структура национального производства в соответствии с немарксистскими концепциями, мир-системным подходом считается в том случае, если страна может осуществлять независимую экономическую политику в интересах развития своей страны. Для этого в экономике должны быть развиты основные отрасли первичного, вторичного и третичного секторов экономики [6].

Новый тренд в развитии теории эффективной структуры национального производства стал формироваться в последнее десятилетие под воздействием двух вызовов.

Первый вызов, затронувший все страны планеты, связан с пандемией и коронакризисом. В результате остановки многих производств, нарушения торговых связей и поставок в рамках сложившихся технологических цепочек, остро

встал вопрос об обеспечении национальной экономической безопасности и соответствующей структуре экономики страны. В рамках теоретического осмысления усилилась критика существующей структуры экономики развитых стран, для которых характерно доминирование сферы услуг

Новой положительной теоретической концепцией эффективной структуры экономики развитых рыночных стран пока еще нет.

Известная теория Четвертой промышленной революции К. Шваба [8] направлена на поддержание мировой гегемонии западных рыночных стран без учета структуры национальной экономики непосредственно на собственной территории страны, поэтому считать ответом на вызов коронакризиса данную теорию нельзя.

Вторым вызовом стало обострение геополитических противоречий в результате разрушения однополярного мира с господством США. Обострение конфликта между западными рыночными странами и остальным миром усилилось после 2014 года и началом санкций против России и ее сторонников, и вошло в острую фазу после 2022 года. Теоретическое осмысление нового понимания эффективной структуры национального производства в мировой науке продолжилось в рамках неомарксизма, институционализма, а в российской экономической науке происходит не только в неомарксистской и институциональной парадигме, а также в традициях российской школы циклизма.

Под влиянием этих вызовов структура экономики стала меняться по-разному в странах мира. Положительные динамические процессы отме-

чаются в первую очередь в российской экономике. Процесс элементарного импортозамещения перерос в развитие национальной промышленности с самостоятельными экономическими, технологическими и инновационными решениями за 2023–2024 года [3; 4]. Интересные изменения в структуре экономики происходят в Индии. Китай продолжает развиваться в намеченном тренде, который сформировался в последние десятилетия. В наихудшем состоянии оказалась экономика стран ЕС, США стремится наладить индустриальное производство на территории страны, но на фоне политики поддержки военных конфликтов по всему миру – на Украине, между Израилем и Палестиной, между Тайванем и Китаем – ставит экономические вопросы в жесткую зависимость от политических решений, что явно вредит стране и ее населению.

Смена тренда в теоретическом осмыслении эффективной структуры экономики в последнее десятилетие хотя и получила четкие страновые различия, имеет общую закономерность, связанную с более взвешенным соотношением сфер экономики в пользу развития промышленности, обрабатывающего производства и ИТ сектора. Усиление геополитического конфликта вывело на новый круг вопросы развития военно-промышленного комплекса во всех странах. Влияние ВПК на экономику страны имеет разные последствия как стимулирующие, так и создающие проблему с государственным бюджетом по отношению к социальной политике.

В российской экономике удается поддерживать баланс между развитием основных сфер экономики, включая ВПК и одновременную реализацию социальных программ.

Библиографический список

1. *Бэлл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. – М. : Академия, 1999.
2. *Вальрас Л.* Элементы чистой политической экономики // Элементы чистой политической экономики или Теория общественного богатства / пер. И. Егорова, А. Беянина. – М. : Университетская библиотека : Экономика, 2000.
3. *Глазьев С. Ю.* Глобальная трансформация через призму смены технологических и мирохозяйственных укладов // *AlterEconomics*. – 2022. – Т. 19, № 1. – С. 93–115.
4. *Глазьев С. Ю.* Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. – М. : Экономика, 2010. – 255 с.
5. *Дементьев В. Е., Новикова Е. С., Устюжанина Е. В.* Место России в глобальных цепочках создания

- стоимости // Национальные интересы: приоритет и безопасность. – 2016. – № 1. – С. 17–30.
6. Трубников Д. А. Ордолиберальные основы европейской экономической политики: мифы и реальность // Мировая экономика и международные отношения. – 2021. – Т. 65, № 4. – С. 50–57. – DOI: [10.20542/0131-2227-2021-65-4-50-57](https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-4-50-57).
 7. Хансе Э. Экономические циклы и национальный доход. – М. : Экономика, 1977. – 431 с.
 8. Шваб К. Четвертая промышленная революция. – Эксмо, 2016. – ISBN 978-5-699-90556-0.
 9. Porter M. E. Competitive Advantage: Creating and Sustaining Superior Performance. – New York : The Free Press, 1985.